

УДК 94(510).08

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.11

Рябов Александр Вячеславович

кандидат культурологии, доцент

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева

Санкт-Петербург, Россия

ryboff@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1767-1479

Огарков Александр Николаевич

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургская государственная художественно-

промышленная академия им. А. Л. Штигица

Санкт-Петербург, Россия

suer53@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-2047-4620

ПРИЧИНЫ БОКСЕРСКОГО ВОССТАНИЯ: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКА ОСАДЫ ПЕКИНА В. В. КОРСАКОВА

Аннотация. в статье анализируется точка зрения В. В. Корсакова на причины Боксерского восстания в Китае. Врач русской дипломатической миссии в столице империи Цин — очевидец битвы за Пекин 1900 г. — опубликовал свои воспоминания о событиях в 1901 г. в Санкт-Петербурге. Эти мемуары стали основным источником работы. Авторы раскрывают взгляд Корсакова на явления, которые привели к Восстанию ихэтуаней, выявляют особенности их представления в анализируемой книге, также показывают, насколько подобная точка зрения на Восстание боксеров была актуальна для своего времени. Исследование проводилось в русле характерной для современной науки тенденции обращения к оставленному современниками, очевидцами Восстания боксеров наследию, эпистолярному и мемуарному, и к составленным ими документам. Актуальность статьи также обусловлена недостаточной изученностью личных воспоминаний врача дипломатической миссии.

Корсаков считал европейскую цивилизацию основной виновницей Восстания ихэтуаней. Он также освещает особенности восприятия жизни и отношение к сакральному аспекту бытия в Китае, чтобы показать, что подданный империи Цин — обычный человек. Корсаков показывает, что этот факт не был учтен европейцами. Исследование выявило, что в мемуарах отсутствует составленный через призму европейского понимания жизни идеализированный образ китайского государства, его подданных, что книга была актуальна для своего времени благодаря своему образовательному потенциалу и в связи с тем, что представленная точка зрения на причины Боксерского восстания устраивала власть.

Ключевые слова: Восстание боксеров, ихэтуани, мемуары Корсакова, Китай, империя Цин, начало XX в., европейская цивилизация.

UDC 94(510).08

DOI: 10.25688/20-76—9105.2023.50.2.11

Ryabov Aleksandr V.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor
Saint-Petersburg State Fire Service University of EMERCOM of Russia
Saint-Petersburg, Russia
ryboff@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1767-1479

Ogarkov Aleksandr N.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Saint Petersburg State Academy of Art and Design named after A. L. Stieglitz
Saint-Petersburg, Russia
suer53@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-2047-4620

THE CAUSES OF THE BOXER REBELLION: AS RECALLED BY V. V. KORSAKOV, A PARTICIPANT IN THE BEIJING SIEGE

Abstract. The article focuses on V. V. Korsakov's point of view on the causes of the Boxer Rebellion. The doctor of the Russian diplomatic mission in the capital of the Qing Empire, eyewitness of the battle for Peking in 1900, published his personal memoirs of the events in 1901 in Saint-Petersburg. These memoirs are the main source of the work. The authors reveal Korsakov's view on the phenomena that led to the Yihetuan Uprising, the peculiarities of its presentation in the analyzed book, and also show how such a view of the Boxer Rebellion was relevant for its time. The study was conducted in line with the tendency, characteristic of modern scholarship, to refer to the epistolary and memoirs heritage left by the contemporaries, eyewitnesses of the Boxer Rebellion, as well as to the documents compiled by them. The relevance of the article is also due to the insufficient study of the personal memoirs of the diplomatic mission doctor.

Korsakov considered European civilization to be the main culprit behind the Yihetuan Uprising. The author has developed his point of view on historical material, following the principle of historicism. He also highlights the peculiarities of the perception of life and attitudes towards the sacral aspect of being in China, to show that the subject of the Qing empire is an ordinary person. Korsakov shows: this fact was not taken into account by Europeans. The study reveals that the memoirs lack an idealized image of the Chinese state and its subjects compiled through the prism of the European understanding of life, that the book was relevant for its time due to its educational potential and due to the fact that the viewpoint presented on the causes of the Boxer Rebellion suited the authorities.

Keywords: Boxer Rebellion, Yihetuan, Korsakov's memoirs, China, Qing Empire, early 20th century, European civilization.

Введение. В 1901 г. в Санкт-Петербурге в типографии А. С. Суворина были изданы мемуары В. В. Корсакова — врача русской дипломатической миссии в столице Цинской империи — «Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине». Согласно титулу книги они охватывают период с мая по октябрь 1900 г. Уникальность

источника заключается в том, что автор во время осады выполнял не только свои непосредственные должностные обязанности как врач, но и был включен в более широкое поле деятельности. В частности, он упоминает, как в ожидании нападения ихэтуаней участвовал, с целью рассеять тревожное настроение общества, в обходе улиц вокруг посольства вместе с бароном Ф. В. Раденом, начальником десанта моряков, и Н. В. Колесовым, занимавшим впоследствии должность генерального консула¹. До битвы за Пекин Корсаков пять лет проработал врачом дипломатической миссии² и ему удалось достаточно подробно ознакомиться с особенностями быта и мировоззрения китайцев.

Все это повлияло на тематический охват произведения: автор мемуаров достаточно подробно освещает осаду Пекина, ожидание нападения боксеров на китайскую столицу, также раскрывает ретроспективно историю взаимодействия Запада с Китаем и отвечает на вопрос о причинах Боксерского восстания, рассмотрение которого является целью настоящей статьи.

Источник анализируется в статье Т. В. Петуховой: исследователь рассматривает взгляд автора мемуаров на ситуацию в столице Цинской империи накануне его осады ихэтуанями и подчеркивает: «...воспоминания В. В. Корсакова позволили развернуть перед читателями эмоционально окрашенную картину реальных событий, наполнить ее деталями, которые скрыты сухими историческими фактами»³. Произведение врача дипломатической миссии упоминается в статье Л. В. Кураса, Л. В. Кальминой⁴. Исследователи делают вывод о пристальном внимании к текущим или недавним событиям в источниках личного происхождения рубежа XIX–XX вв. по сравнению с историографией XVII–XIX вв. и объясняют это тем, что мемуаристика к концу XIX в. «приобретает форму и статус исторического свидетельства»⁵.

Н. М. Калужная упоминает воспоминания Корсакова среди работ буржуазных авторов, которые откликнулись на события 1898–1901 гг. в Китае, подчеркивая, что главным образом в сочинениях мемуарного характера затрагивались два вопроса: «...осада повстанцами иностранных посольств, а также католического храма в Пекине, и интервенция держав»⁶. Советский историк пишет: «Лишь очень немногие авторы пытались как-то оправдать антииностранный взрыв в Китае. Это были люди, имевшие очень отдаленное отношение к истории, они долго прожили в Китае и сами наблюдали за деятельностью иностранцев. Особенно ценной

¹ *Корсаков В. В.* Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. СПб., 1901. XVI, 394 с. С. 185–186 (2-я паг.).

² Там же. С. 104 (2-я паг.).

³ *Петухова Т. В.* В. В. Корсаков о ситуации в Пекине накануне его осады ихэтуанями // *News of Science and Education*. 2018. Т. 1. № 2. С. 026.

⁴ *Курас Л. В., Кальмина Л. В.* Боксерское восстание в Китае в военных мемуарах, дневниках и письмах // *Известия Иркутского государственного университета. Серия История*. 2019. Т. 29. С. 100–108.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ *Калужная Н. М.* Восстание ихэтуаней (1898–1901). М., 1973. С. 32.

в этом отношении является книга врача русской миссии в Пекине В. Корсакова. Он с возмущением характеризует поведение европейских представителей и относится с пониманием к борьбе китайского народа»⁷.

Цель настоящей работы обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью воспоминаний Корсакова. Во-вторых, характерной для российской науки XXI в. тенденцией обращения к эпистолярному и мемуарному наследию современников, очевидцев восстания ихэтуаней, к их биографиям, также к составленным ими документам (приказам, отчетам)⁸.

Выбранный исследовательский ракурс позволяет не только раскрыть точку зрения В. В. Корсакова — очевидца битвы за Пекин — на явления, обусловившие восстание ихэтуаней, но и выявить особенности их представления в мемуарах, что с учетом факта публикации книги практически по горячим следам событий в серьезном издательстве, в условиях, когда в стране действовал исключительный правовой режим управления, а книжные издания проходили цензуру, поможет увидеть, насколько данная точка зрения была актуальна для своего времени. Другими словами, в работе предпринимается попытка показать, почему, по мнению Корсакова, произошло восстание боксеров и зачем это видение событий было опубликовано.

Ход и результаты исследования. В разделе «От автора» Корсаков подчеркивает, с одной стороны, неожиданность «Пекинского сиденья» (так он называет осаду столицы империи Цин в 1900 г.), с другой — его закономерность: «... оно застало всех совершенно не подготовленными и не ожидавшими, что могут разыграться с такой быстротой и такой жестокостью события среди мирного народа, доведенного до озлобления и отчаяния»⁹. Автор воспоминаний сразу обращает внимание на то, что до подобного состояния китайцев довела европейская цивилизация: она «внесла в среду языческого, но самобытно-культурного китайского народа такие лицемерие и неправду, что иного исхода, как ненависть и презрение у всех любящих свою родину, европейцы не могли ожидать. Проявление этой общенародной ненависти составляло лишь вопрос времени и обстоятельств, ей благоприятствующих»¹⁰. В основном тексте воспоминаний заявленный

⁷ Калужная Н. М. Указ. соч. С. 50.

⁸ Дубинина Н. И. Н. И. Гродеков о военных событиях в Маньчжурии в 1900–1901 гг. и их последствиях для освоения Приамурья // Россия и АТР. 2019. № 2 (104). С. 75–89; Николаев Д. А. Восприятие образа Китая в период восстания ихэтуань в эпистолярном наследии генерала К. В. Церпицкого // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2014. № 15. С. 103–108; Перевезенцев А. Л. Герберт Гувер в Китае: впечатления очевидца и участника исторических событий // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 79–85; Семенчук К. А. Репрезентация И. Я. Коростовцом поведения держав в Китае во время «боксерского кризиса» // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. В. Друзяка. Благовещенск, 2019. С. 163–169.

⁹ Корсаков В. В. Указ. соч. С. XIII (1-я паг.).

¹⁰ Там же. С. XIV (1-я паг.).

в разделе «От автора» тезис раскрывается подробно, причем Корсаков подчеркивает, что он неоднократно смотрел в глаза смерти, не один раз размышлял о смысле событий, которые предшествовали антиевропейскому движению в Китае, но всегда приходил к выводу о вине западной цивилизации¹¹.

Первые две главы первой части воспоминаний не имеют отношения к осаде Пекина: здесь раскрывается история взаимодействия Запада с Китаем, которая рассматривается в трех ракурсах — торговля, две опиумные войны, экономическое освоение пространства Китая европейцами. Корсаков указывает: первые контакты — торговое взаимодействие, установленное по инициативе португальцев в XVI в., — были благоприятны для обеих сторон. Количество желающих осваивать новый рынок росло, и «вместе с ними проник и тот дурной элемент, который портит везде все хорошее»¹². С увеличением количества европейцев в стране росла подозрительность местных жителей, которые «знакомились с нравами, характером и нравственностью заморских людей»¹³. Кроме недоверчивости стало проявляться враждебное отношение, вызванное строительством крепостей, усилением вооружения европейских поселений. Возникли предположения: европейцев интересует не только торговля, но и завоевание территории. Страх вызывало расширение локуса оседлости, в связи с чем до 1845 г. существовал запрет на поселение женщин. Считалось: «...европейцам как торговым людям нет необходимости на чужбине обзаводиться домашним очагом»¹⁴. В мемуарах говорится о дальновидности китайского правительства, которое относилось ко всем европейцам с одинаковым подозрением, не вмешиваясь в их столкновения, и кратко освещается борьба западных государств за рынок сбыта.

Позицию англичан в отношении Китайского государства, динамику их интересов Корсаков рассматривает достаточно подробно. Сначала делается акцент на расширении британского влияния в стране, активной деятельности торговой компании. Освещаются два посольства, Маккартни и Амхерста, которым не удалось установить дипломатические отношения с Китаем, однако торговое взаимодействие двух государств продолжалось¹⁵.

Автор мемуаров показывает, как постепенно английская сторона стала на официальном уровне демонстрировать недовольство существующим в коммерции положением вещей. Он упоминает о самовольном прибытии лорда Нейпира в Кантон в качестве инспектора торговли, которое было вызвано жалобами купцов Великобритании на произвол, стеснения; о посреднической деятельности между подданными Британии и властями Поднебесной китайских торговых старшин, во взаимодействии с которыми англичане видели отсутствие равноправия¹⁶.

¹¹ Корсаков В. В. Указ. соч. С. XIII–XIV (1-я паг.).

¹² Там же. С. 2 (2-я паг.).

¹³ Там же. С. 3 (2-я паг.).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 5–6 (2-я паг.).

¹⁶ Там же. С. 7–8 (2-я паг.).

Корсаков подчеркивает: на этом этапе британско-китайских отношений торговля опиумом, с которой Цинская империя пыталась бороться, приговаривая за контрабанду к смертной казни и заключая за употребление наркотика в тюрьму, уже получила широкое распространение, китайские власти при этом осознавали, что англичане — главные виновники распространения наркотического вещества. В воспоминаниях описываются попытка казнить приговоренного за контрабанду на территории европейской фактории и возникшие беспорядки; содействие Элиота китайским властям в борьбе с торговлей опиумом, сбор и предоставление всего запрещенного товара, его уничтожение и безрезультативность этих мер¹⁷.

С одной стороны, автор «Пекинских событий» следует в повествовании принципу историзма: говоря в самом начале о вине европейской цивилизации и, соответственно, западного человека как ее носителя, он пытается донести до читателя факты прошлого, которые способны, по его мнению, раскрыть заявленный в начале мемуаров тезис. Беспристрастность автора, на первый взгляд, сохраняется и при описании «опиумных войн», а также периода между ними. Так, он упоминает о ранней готовности китайской стороны в 1840-х гг. пойти на перемирие: пишет о губернаторе Тяньцзиня, который оказал содействие в переговорах с Пекином, убедил британцев вернуться в Кантон, пообещав «мирно разобрать все недоразумения»¹⁸, одновременно указывает, что война продолжалась из-за действий кантонского вице-короля и его сторонников при дворе императора, в результате чего был издан указ об изгнании всех мятежников англичан и назначении награды за головы Элиота и других начальников¹⁹, т. е., приводя факты, автор мемуаров не выражает поддержку какой-либо стороне конфликта.

Описывая ситуацию в Поднебесной после заключения Нанкинского договора, Корсаков обращает внимание на то, что враждебность китайского населения по отношению к европейцам только усиливалась. В Кантоне участились нападения и убийства на улицах, грабежи и поджоги факторий. Европейцы создавали отряды для самозащиты, китайцы — союзы борьбы против англичан и других европейцев, отказываясь от взаимодействия с ними и составляя партизанские отряды. На требование консулов о наказании виновных приходил один ответ, что власти бессильны против выражения народных чувств²⁰.

В мемуарах показано, как после переговоров в Тяньцзине во время Второй опиумной войны и достижения договоренностей о ратификации договора союзная эскадра ушла из Дагу²¹, однако враждебные действия по отношению

¹⁷ Корсаков В. В. Указ. соч. С. 9–12 (2-я паг.)

¹⁸ Там же. С. 14 (2-я паг.).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 18–19 (2-я паг.).

²¹ У Корсакова крепость называется Таку, т. е. используется буквальное произношение китайского наименования 大沽. Название «Дагу» соответствует транскрипционной системе Палладия.

к европейцам продолжались, а почти два месяца спустя после подписания мирного соглашения в Кантоне была издана прокламация к народу, где вице-король предлагал заняться сбором средств не только для борьбы против внутренних мятежников, но и иностранцев, что еще более усилило антизападные настроения китайского населения²². Преследования европейцев прекратились после официального объявления Тяньцзинского договора, но при дворе возвысилась партия, требовавшая их изгнания из Китая. Корсаков описывает, как китайская сторона решила в одностороннем порядке отказаться от достигнутых с европейцами договоренностей и стала готовиться к обороне, пытаясь одновременно замедлить ратификацию договора; как войска империи Цин одержали первую победу над европейцами в сражении за форты Дагу, но согласились из-за дальнейших действий союзной армии на новые переговоры²³. Достаточно подробно излагается движение европейских войск к Пекину и разграбление дворца Юаньминъюань²⁴.

Однако, с другой стороны, автор мемуаров делает особые акценты, нехарактерные для исторического повествования. В частности, приводя верные факты касательно условий, при которых англичане согласились на мир в 1842 г., Корсаков так описывает события накануне согласия китайской стороны к переговорам: британские войска заняли Амой и Нанкин, что вызвало у китайского населения страх перед возможным рабством у англичан, в результате прокатилась волна убийств членов своих семей и самоубийств. Это подтолкнуло, по мнению автора воспоминаний, империю Цин к официальному диалогу с противником: «Когда обо всем происшедшем дошло до Пекина, то правительство китайское убедилось, что оно не может продолжать войну с англичанами, почему и прибыли от богдыхана в Кантон комиссары, уполномоченные вести переговоры о заключении мира»²⁵.

Корсаков неоднократно подобным образом смещает ракурс повествования: конкретные исторические события отходят на второй план, а перед читателем оказываются представители китайского народа. Так, рассказывая о взятии Кантона англо-французским отрядом во время Второй опиумной войны, когда европейцы захватили в том числе китайское казначейство, он приводит интересную деталь: «...было найдено несколько комнат, полных связками китайских медных монет. Англичане были затруднены способом переноски такого количества металла, но сопровождавшая любопытная толпа китайцев-рабочих предложила свои услуги и за малое вознаграждение охотно стала переносить китайскую казну на английские суда»²⁶. Упоминая о сдаче представителей кантонской власти англичанам, автор воспоминаний также обращает внимание на то, что «китайское население Кантона, оставшись без своих

²² Корсаков В. В. Указ. соч. С. 24–25 (2-я паг.).

²³ Там же. С. 25–28, 31–32 (2-я паг.).

²⁴ Там же. С. 33–35 (2-я паг.).

²⁵ Там же. С. 15 (2-я паг.).

²⁶ Там же. С. 22 (2-я паг.).

начальников, проявляло к европейцам самые радушные отношения, доставляя все необходимое»²⁷.

В подобной детализации отсутствует критика, оценка. Здесь не идет речь об отсутствии образования у представителей народа или понимания сложившейся в их государстве ситуации (такие вопросы в книге не поднимаются). Корсаков пытается показать современникам, что подданный империи Цин — это обычный человек, который способен испытывать жуткий страх или желание подзаработать, не дорожить своей жизнью или, напротив, заботиться о ее сохранении, проявлять радушие к европейцам, но также подняться против них. Автор мемуаров подчеркивает, что европейцы со своим стремлением освоить рынок Китая или вложиться в железнодорожное строительство как раз не учитывают этот факт. «Если бы Европа, помня себя, не забывала и китайцев, то успех был бы громадный и не один только материальный, но и духовный»²⁸, — замечает Корсаков, рассуждая о том, что все достигнутые в Китае успехи европейской цивилизации по установлению своего экономического и политического влияния в течение нескольких месяцев потерпели крушение²⁹.

Если Нанкинский договор в мемуарах образно называется первой брешью, которую сделали европейцы в вековых стенах Китая³⁰, то по поводу итогов Второй опиумной войны Корсаков высказывается подробнее и конкретнее, видя в них очередной этап уничтожения Поднебесной, который способствовал восстанию ихэтуаней: «Вековое сопротивление Китая движению в него Европы было окончательно сломлено, ворота в его стенах приоткрылись, а в 1894 году Япония настолько расшатала устои всего старого китайского строя, что двери распахнулись уже настежь для влияния всех европейских держав, создавших конечное для Китая движение боксеров, в результате которого получилось потрясение всего государственного строя, несчастье и разорение китайского народа с грозным голодом, эпидемиями и смертностью, сожжение, разорение и разграбление Пекина и императорских дворцов и разорение всего пути, по которому шли союзные войска от Тянь-Цзиня на Пекин»³¹.

В отношении экономического освоения пространства Китая европейцами, в первую очередь открытия новых сухопутных и водных путей, Корсаков замечает, что положительное значение нововведений, пусть не сразу, но признавалось китайцами. Он пишет о расчетливости, склонности к экономии населения Поднебесной, но в то же время — о стремлении к удобной и комфортной жизни. Подданный империи Цин не потратит денег впустую, но не пожалует средств за товар, который считает полезным, даже если он создан человеком Запада. Сначала к строительству железных дорог относились настороженно;

²⁷ Корсаков В. В. Указ. соч. С. 22 (2-я паг.).

²⁸ Там же. С. 39 (2-я паг.).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 16 (2-я паг.).

³¹ Там же. С. 35–36 (2-я паг.).

чиновники и представители народа выражали недовольство, полагая, что нововведение «грозило гневом и подземного дракона, чешую которого могли задеть, обеспокоив его сон при производстве земляных работ, и гневом предков, которых беспокоил бы грохот, свист и шум поездов, проходящих мимо их могил»³². Однако вскоре жители Цинской империи оценили удобство незнакомого им ранее способа передвижения: «Как только прошли первые поезда, и китайцы увидели, насколько это сообщение удобно и дешево, через три месяца был уже проложен второй путь, и число поездов было увеличено с одного до трех в день»³³. Это замечание позволило автору мемуаров показать современникам, что, во-первых, общеизвестный факт разрушения железнодорожных путей во время восстания ихэтуаней не был связан с невежеством китайцев, которые уже оценили удобство нового способа передвижения. Во-вторых, продемонстрировать вину исключительно европейцев за разрушение всего созданного им в Китае за почти полвека. Корсаков подчеркивает, что прошло достаточно времени, чтобы стороны достигли взаимного понимания и мирно существовали друг с другом, но при этом иронизирует: «В отношении успехов, достигнутых Европой для распространения своего политического влияния и могущества, для обогащения своих подданных богатствами Китая, — успех получился действительно выдающийся»³⁴.

В мемуарах прослеживается неприятие автора к англичанам. Он отмечает: богатые британские компании ведут свои дела через комиссионеров и агентов, которые чужды Китаю, не знают китайского языка или не хотят изучать его, но ведут торговые сношения через компрадоров — посредников из китайцев³⁵, и противопоставляет их купцам из других стран: «Коммерсант немец, японец, русский уже изучают китайский язык; они являются в Китай самолично и, не имея комиссионеров, вступают лично в сношения с китайскими купцами. Обладая трудолюбием, знанием и пониманием интересов торговли, но чуждые того барства и пренебрежения, с которыми жил в Китае англичанин, — немец, русский и японец гораздо скорее англичанина становятся в близкие отношения к китайцам, довольствуясь в то же время меньшими барышами и производя меньшие затраты на свое личное представительство»³⁶.

В таком неприятии англичан можно увидеть характерное для образованного человека 1900-х гг., знающего о противостоянии Российской империи и Великобритании в Большой игре, отношение к британским подданным. Однако в целом мемуары лишены ангажированности. В частности, Корсаков раскрывает одну, связанную с его личной проблемой, деталь, которая не с лучшей стороны характеризует организацию некоторых дел в России. Рассказывая о прибытии десантов, он упоминает о своих проблемах со здоровьем и желании уехать

³² Корсаков В. В. Указ. соч. С. 42–43 (2-я паг.).

³³ Там же. С. 43 (2-я паг.).

³⁴ Там же. С. 37 (2-я паг.).

³⁵ Там же. С. 46 (2-я паг.).

³⁶ Там же. С. 41 (2-я паг.).

с семьей в отпуск в Россию. Ему приходится дожидаться российских войск, чтобы убедиться, что их сопровождает врач. Корсаков пишет, что в 1898 г. 75 матросов и казаков прибыли в Пекин в сопровождении одного фельдшера, у которого имелись только лекарства первой помощи, причем это произошло во время эпидемии тифа. Он надеялся: направленный на тяжелое дело десант в 1900 г. прибудет с врачом, однако военных снова сопровождал один фельдшер, даже без санитаря³⁷.

Приступая к изложению событий 1900 г., автор мемуаров сначала достаточно подробно описывает празднование подданными империи Цин Нового года, а затем переходит к движению ихэтуаней. Через подробное изложение подготовки к празднику он раскрывает особенности восприятия жизни китайцами, их отношение к сакральному аспекту бытия. Упомянув о том, что празднование сопровождается строго исполняемыми обрядами, Корсаков описывает следующие символические действия: развешивание на воротах домов полос бумаги красного цвета с добрыми пожеланиями; возжигание курительных палочек и оформление стола с приношениями; запуск ракет и петард с целью устрашить злых духов; обращение к главным божествам, домашним богам, с просьбой о благословении на год; поздравление родителей детьми и домочадцами³⁸.

Детально описывается культ предков, который «пустил самые глубокие корни в народные массы и служит основой всех религиозных верований»³⁹, значение и создание таблиц, на которых начертаны сведения об усопших. Упомянется обряд приглашения души поселиться в табличке, описываются украшавшие ее символические изображения, кто имел право сооружать этот сакральный предмет культа, что происходит, когда количество таблиц в доме становится чрезмерным, как на Новый год перед табличками ставят блюда и вино и только после этого сами приступают к праздничной трапезе⁴⁰.

В мемуарах раскрывается смысл церемонии открытия колодцев, которая совершается на второй день наступившего года и связана с взаимодействием с духами воды; традиции заботиться о скитающихся душах, никому ненужных на земле; сожжения бумаг с нарисованными передвижными и денежными средствами для обеспечения пути с неба на землю и приготовления для божеств мясных блюд⁴¹. По завершении празднования наступившего года на пятый день приходит время иных традиционных торжеств, в частности день рождения духа неба, который в воспоминаниях называется «основным праздником народного мирозерцания». В связи с этим Корсаков останавливается на раскрытии культа неба в Китае, описывает некоторые жертвенные блюда: большой рисовый торт и печенья-кольца, соединенные в цепь, пирог в форме черепахи⁴². Упомянуты

³⁷ Корсаков В. В. Указ. соч. С. 104–105 (2-я pag.).

³⁸ Там же. С. 50–53 (2-я pag.).

³⁹ Там же. С. 54 (2-я pag.).

⁴⁰ Там же. С. 55–56 (2-я pag.).

⁴¹ Там же. С. 58–60 (2-я pag.).

⁴² Там же. С. 61–62 (2-я pag.).

обращения к даосам для совершения молений небу, показано, как они проходят; говорится о представлениях в честь бога неба, которые устраиваются в храмах⁴³. Уделяется внимание празднествам в честь рождения земли и описывается несколько оригинальных обрядов⁴⁴.

Подробный рассказ о праздниках начала года позволяет продемонстрировать читателю сторону бытия китайцев, неизвестную европейцам, и показать, что для подданных империи Цин — это не экзотика, которой обычно восхищаются на Западе при знакомстве с Востоком, но привычная в определенный временной промежуток жизнь, которой они дорожат, строго соблюдая свои традиции. Причем Корсаков не конструирует здесь идеализированный, составленный через призму европейского понимания жизни образ Китая и населения государства, но приводит известные ему факты, которые не просто знакомят читателя с новой информацией о Поднебесной, но и вписываются в общую повествовательную канву мемуаров.

Так, рассказывая ранее о разграблении дворца Юаньминъюань в конце Второй опиумной войны, он акцентирует внимание на приказе лорда Эльджина сжечь все имеющиеся там таблицы предков императорской династии, подчеркивая: «Более ужасного мщения и наказания для китайского народа не существует, как уничтожение таблиц предков»⁴⁵. После прочтения описания праздников начала года читателю становится понятно: разрушение таблиц предков — это, действительно, не только уничтожение культурного наследия, но и в первую очередь покушение на сакральную сторону бытия китайцев, одну из основ их повседневной жизни. Если ранее автор мемуаров показывает только на уровне деталей, что китаец — это обычный человек, то в части повествования, посвященной новогодним праздникам, эта идея раскрывается подробнее. В то же время при описании праздников неба и земли создается образ человека, гармонично существующего в мироздании; автор воспоминаний отмечает: «Небо и земля — краеугольные камни всей природы, могущества всей вселенной. На таинственном соединении неба и земли зиждется вся жизнь»⁴⁶. После подробного описания празднования Нового года подданными империи Цин Корсаков кратко освещает жизнь европейской колонии Пекина в начале 1900 г., где возродилось веселие и радушие первых лет пребывания в столице Поднебесной и ничто «не предвещало надвигающейся грозы»⁴⁷.

Четвертая глава посвящена слухам об ихэтуанях, причинам возникновения движения, его характеру, задачам и направлению. Здесь автор приводит точку зрения подданных империи Цин: «Я старался уяснить себе значение и основы начинавшегося народного движения, я расспрашивал многих китайцев, более или менее заинтересованных в этом движении, и на мои вопросы о задачах

⁴³ Корсаков В. В. Указ. соч. С. 63–64 (2-я паг.).

⁴⁴ Там же. С. 65–66 (2-я паг.).

⁴⁵ Там же. С. 35 (2-я паг.).

⁴⁶ Там же. С. 65 (2-я паг.).

⁴⁷ Там же. С. 67 (2-я паг.).

и целях подготовлявшегося движения (разговор шел в апреле месяце) мне отвечали откровенно, что движение это направляется главным образом, чтобы противодействовать католической пропаганде, которая все глубже внедряется в китайский народ и вносит вражду, раздоры, несогласия в населении, подрывает самые устои народной жизни, вмешивается в политические интриги и интригами создает китайскому правительству много замешательств. <...> Что касается европейцев, то руководители движением далеко не относятся все поголовно с ненавистью ко всем европейцам; они признают, что среди иностранцев есть истинные, добрые и даже расположенные к китайцам люди, но таковых очень мало. Большинство же европейцев — люди грубые, алчные, к китайцам относятся с презрением, а с простым народом обращаются, как со своими рабами, даже часто бьют китайцев»⁴⁸.

Признавая подвижнический характер деятельности католических миссионеров в Китае, врач русской миссии в Пекине пытается разобраться в причинах ненависти к ним со стороны местного населения и показывает, что дело во владении землей и отчуждении китайца-христианина от своей страны. Представители католичества владели в Китае огромными участками, скупая их у бедняков. Склонным к принятию католичества оказывалась помощь деньгами, землей, необходимыми земледельцу предметами. Китайцы-христиане становились, по словам автора мемуаров, подданными государства, созданного католическим миссионерством в Китае, отстраняясь тем самым от своих братьев по крови⁴⁹. Эти рассуждения не только раскрывают экономическую подоплеку движения ихэтуаней, но и подтверждают взгляд Корсакова на негативную роль европейской цивилизации в создавшейся ситуации. Приводя точку зрения китайцев о причинах возникновения восстания, автор мемуаров дистанцируется от нее, показывая тем самым отличие своих взглядов по этому вопросу.

Что касается факта публикации воспоминаний Корсакова, отметим, во-первых, некоторую схожесть взглядов автора мемуаров на причины Боксерского восстания с точкой зрения князя Э. Э. Ухтомского по этому вопросу, высказанной в опубликованной в 1900 г. книге, которая была допущена к печати цензурой 9 июля 1900 г., т. е. во время Боксерского восстания⁵⁰. «Запад насильями своими разбудил желтый Восток — однозначно заявляет Ухтомский. — Мы можем сокрушаться о гибели разных миссионеров и инженеров, мы можем негодовать на то, зачем пролилась и еще прольется кровь. Но наряду с этим нельзя не сознавать и с точки зрения оскорбленной китайской массы, что такой беспримерно униженный народ, у которого в мирное время признается возможным брать порт за портом, hinterland за hinterland'ом и т. д., в конце концов должен встрепенуться и всколыхнуться всей громадой. Общего народного движения, слава Богу, пока нет; но сочувствие неисчислимого населения

⁴⁸ Корсаков В. В. Указ. соч. С. 80–81 (2-я pag.).

⁴⁹ Там же. С. 89–91 (2-я pag.).

⁵⁰ Ухтомский Э. К событиям в Китае: Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900.

“Большому кулаку”, молчаливое до некоторой степени невмешательство в смуту (своего рода притворство ей) самого маньчжурского правительства — все ясно говорит за то, что мы — накануне больших катастроф»⁵¹.

Позиции двух авторов имеют и различия. Так, Э. Э. Ухтомский утверждает, что только Россия способна спасти Китай «как целое от распада и чужого ига»⁵²; несколько идеализируя, практически ставит знак равенства между Китаем и Японией как странами, к которым в России с детства привыкли относиться как «к чему-то тесно с нами связанному и духовно гораздо более близкому, чем надменная Западная Европа»⁵³. Подобные утверждения в мемуарах врача русской миссии отсутствуют. Однако близость точки зрения Корсакова о вине европейской цивилизации позиции Ухтомского, который входил в дирекцию Русско-китайского банка, являлся членом правления Общества КВЖД, издателем «Санкт-Петербургских ведомостей», был лицом, приближенным к императору и министру финансов С. Ю. Витте⁵⁴. В воспоминаниях Корсакова излагалась точка зрения на восстание ихэтуаней, которая в той или иной степени устраивала власть.

Во-вторых, актуальность для начала XX в. мемуаров врача русской миссии обусловлена содержащимся в книге образовательным потенциалом. Даже высокопоставленные чиновники того времени могли проявлять необъективное отношение к Востоку, который оценивался сквозь призму западного мировоззрения, и такое отношение, в частности, получило отображение «в имперской политике относительно своих территорий, населенных представителями и носителями восточных ценностей»⁵⁵. Пренебрежительное отношение к восточным народам при этом часто отсутствовало, но традиции, обычаи воспринимались ориенталистски, с осознанием цивилизационной разницы Запада и Востока, причем с признанием превосходства первого⁵⁶.

По поводу Китая в образованном обществе существовал стереотип, который пытался развенчать востоковед С. М. Георгиевский в конце XIX в. Ученый писал: «Пущенное в ход некоторыми синологами и как бы узаконенное системами некоторых философов положение, что Китай есть историческая окаменелость, распространилось постепенно по Европе, усвоилось как стереотипная уже формула людьми просвещенными»⁵⁷. Такое заявление о китайском государстве как царстве косности стало повторяться авторами книг

⁵¹ Ухтомский Э. Указ. соч. С. 72 (2-я паг.).

⁵² Там же. С. 64 (2-я паг.).

⁵³ Там же. С. 74 (2-я паг.).

⁵⁴ Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л., 1928. С. 108, 116–117.

⁵⁵ Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Семиреченская область глазами имперского чиновника: государственные, социальные и частные аспекты в мемуарах К. К. Палена // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2021. № 1 (37). С. 101.

⁵⁶ Там же. С. 107.

⁵⁷ Георгиевский С. Важность изучения Китая. СПб., 1890. С. 7 (2-я паг.).

по всеобщей истории и по-своему льстило самолюбию европейцев⁵⁸. Создалась парадоксальная ситуация, когда уверенность в окаменелости, застое Поднебесной стала причиной отсутствия исследований реального Китая: «...Китай изучался бы авторами так называемых всеобщих историй, если бы не стоял особняком; стоящий особняком Китай изучался бы ими, если бы его история была интересна; его история была бы интересна, если бы она представлялась историей жизни, а не застоя»⁵⁹.

Э. Э. Ухтомский осознавал, что подобная ситуация влияет не только на состояние науки, но и на взаимодействие с реальным государством — империей Цин. Признавая заслуги конкретно С. М. Георгиевского в попытках разъяснить «немногочисленной аудитории, почему России необходимо изучать Китай»⁶⁰, он писал в 1900 г., что нельзя предвидеть исхода борьбы, что «занять Пекин не значит покорить необъятный край, свергнуть или поддержать нынешнее правительство не значит подавить антиевропейскую агитацию»⁶¹. Ухтомский также рассуждал о возможном итоге, когда перед Западом будет стоять задача создать правительство для китайцев, и подчеркивал, что это невозможно: «Не из синологов же, наконец, образовать синклит таких эфемерных правителей, чтобы явилась хоть связь между пастырями и пасомыми?»⁶² Этим восклицанием выражена точка зрения Ухтомского на вопрос непонимания Китая западными официальными лицами. Далее он раскрывает ее на примере погибшего Кеттелера, обращая внимание на то, что тот открыто проповедовал в чужой стране необходимость расчленения китайского государства, причем в условиях усилившихся волнений⁶³.

Заключение. Таким образом, мемуары В. В. Корсакова отличаются реалистичным изображением китайцев, китайского быта. В повествовании отсутствуют как восхищение перед восточной экзотикой, так и идеализация западного образа жизни. Корсаков пытается показать, что Поднебесную населяют реальные люди, представляет историю жизни Китая.

По мнению В. В. Корсакова, в восстании ихэтуаней виновата европейская цивилизация, вмешательство которой в жизнь самобытного китайского народа привело к общенародной ненависти к представителям западных государств. Эта позиция, заявленная в начале мемуаров, вызывает доверие у читателя, так как автор являлся очевидцем пекинских событий 1900 г.

В повествовании Корсаков приводит факты, позволяющие раскрыть его позицию о вине европейской цивилизации. Он рассматривает историю взаимодействия западных стран с Китайским государством в торговой сфере,

⁵⁸ Георгиевский С. Указ. соч. С. 6, 8 (2-я паг.).

⁵⁹ Там же. С. 8 (2-я паг.).

⁶⁰ Ухтомский. Э. Указ. соч. С. 65 (2-я паг.).

⁶¹ Там же. С. 73 (2-я паг.).

⁶² Там же. С. 73 (2-я паг.).

⁶³ Там же. С. 74 (2-я паг.).

две опиумные войны, попытки экономического освоения Китая европейцами. Анализируя факты, автор старается сохранить беспристрастность. С другой стороны, в мемуарах исторические события неоднократно отходят на второй план, а перед читателем укрупненным планом оказываются представители китайского народа, причем без критики, оценки. Смещая подобным образом ракурс, Корсаков показывает читателю факт, не учтенный европейцами при материальном освоении пространства Китая: подданный империи Цин — обычный человек. Для раскрытия этой идеи автор мемуаров достаточно подробно освещает особенности восприятия жизни китайцами, их отношение к сакральному аспекту бытия.

Идеализированный, составленный через призму европейского понимания жизни образ Китайского государства и его подданных в мемуарах отсутствует. Хотя Корсаков выражает характерное для образованного человека 1900-х гг. неприятие к англичанам, в целом его воспоминания лишены ангажированности. В книге приводится позиция китайцев касательно причин Восстания боксеров, однако автор дистанцируется от нее.

Мемуары В. В. Корсакова были актуальны для своего времени, так как, во-первых, в повествовании была представлена точка зрения на Восстание боксеров, которая устраивала власть; во-вторых, книга отличалась образовательным потенциалом, т. е. содержала исторические сведения, иллюстрирующие вину европейской цивилизации в происходящих в Китае народных волнениях, а также реальные факты о Китайском государстве и его подданных, неизвестных европейцам. Полагаем, это обусловило публикацию воспоминаний В. В. Корсакова практически по горячим следам событий.

Литература

1. Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Семиреченская область глазами имперского чиновника: государственные, социальные и частные аспекты в мемуарах К. К. Палена // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2021. № 1 (37). С. 100–112. DOI: 10.32516/2303-9922.2021.37.8
2. Дубинина Н. И. Н. И. Гродеков о военных событиях в Маньчжурии в 1900–1901 гг. и их последствиях для освоения Приамурья // Россия и АТР. 2019. № 2 (104). С. 75–89. DOI: 10.24411/1026 8804 2019 10022
3. Калужная Н. М. Восстание ихэтуаней (1898–1901): Историография. М.: Наука, 1973. 363 с.
4. Курас Л. В., Кальмина Л. В. Боксерское восстание в Китае в военных мемуарах, дневниках и письмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 29. С. 100–108. DOI: 10.26516/2222-9124.2019.29.100
5. Николаев Д. А. Восприятие образа Китая в период восстания ихэтуань в эпистолярном наследии генерала К. В. Церпицкого // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. Чита: ЗабГУ, 2014. Вып. 15. С. 103–108.
6. Перевезенцев А. Л. Герберт Гувер в Китае: впечатления очевидца и участника исторических событий // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 79–85.

7. Петухова Т. В. В. В. Корсаков о ситуации в Пекине накануне его осады ихэтуанями // News of Science and Education. 2018. Т. 1. № 2. С. 021–026.
8. Семенчук К. А. Репрезентация И. Я. Коростовцом поведения держав в Китае во время «боксерского кризиса» // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20–28 мая 2019 г.) / отв. ред. А. В. Друзяка. Вып. 9. Ч. 2. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 163–169.

References

1. Vasilyev D. V., Mazaev N. A. Semirechenskaia oblast' glazami imperskogo chinovnika: gosudarstvennye, sotsial'nye i chastnye aspekty v memuarakh K. K. Palena [Semirechenskaya Oblast through the eyes of an Imperial official: state, social and private aspects in the memoirs of K. K. Palen] // Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal. 2021. № 1 (37). P. 100–112. (In Russ.). DOI: 10.32516/2303-9922.2021.37.8
2. Dubinina N. I. N. I. Grodekov o voennykh sobytiakh v Man'chzhurii v 1900–1901 gg. i ikh posledstviakh dlia osvoeniia Priamur'ia [N. I. Grodekov on military events in Manchuria in 1900–1901 and their consequences for the development of the Priamurye] // Rossiia i ATR. 2019. № 2 (104). P. 75–89. (In Russ.). DOI: 10.24411/1026 8804 2019 10022
3. Kaliuzhnaia N. M. Vosstanie ikhetuanei (1898–1901): Istoriografiia [Yihetuan uprising (1898–1901): Historiography]. Moscow: Nauka, 1973. 363 p. (In Russ.).
4. Kuras L. V., Kalmina L. V. Bokserskoe vosstanie v Kitae v voennykh memuarakh, dnevnikakh i pis'makh [Boxer Rebellion in China in wartime memoirs, diaries and letters] // The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History. 2019. Vol. 29. P. 100–108. (In Russ.). DOI: 10.26516/2222-9124.2019.29.100
5. Nikolaev D. A. Vospriiatie obraza Kitaia v period vosstaniia ikhetuan' v epistoliar-nom nasledii generala K. V. Tserpitskogo [China's image during the period of Rebellion Ihetuan in K. V. Tserpitsky epistolary legacy] // Rossiia i Kitai: problemy strategicheskogo vzaimodeistviia: sbornik Vostochnogo tsentra. Chita: ZabGU, 2014. Vyp. 15. P. 103–108. (In Russ.).
6. Perevezentsev A. L. Gerbert Guver v Kitae: vpechatleniia ochevidtса i uchastnika istoricheskikh sobytii [Herbert Hoover in China: Impressions of an eyewitness and a participant of historical events] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 325. P. 79–85. (In Russ.).
7. Petukhova T. V. V. V. Korsakov o situatsii v Pekine nakanune ego osady ikhetuaniami [Korsakov about the situation in Beijing on the eve of its siege by Yihetuan] // News of Science and Education. 2018. Vol. 1. № 2. P. 021–026. (In Russ.).
8. Semenчук К. А. Репрезентатсия И. Я. Коростовтсом поведениа держав в Китае во время «боксерского кризиса» [Representation by I. Y. Korostovets Behavior of Power in China During “Boxing Crisis”] // Rossiia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Blagoveshchensk – Kheikhe, Tian'tsin', Pekin, 20–28 maia 2019 g.) / отв. ред. А. В. Друзяка. Vyp. 9. Ch. 2. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskii gosudarstvennyi universitet, 2019. P. 163–169. (In Russ.).